

Ли Иннань

Русский язык в Китае: история и современность

Аннотация. В статье рассматривается история проникновения в Китай русского языка и его распространение, изучение и использование с XVII в. по настоящее время. Сравнивается уровень влияния русского языка в период правления Цинской империи, в Китайской республике и в КНР. Рассказывается о том, что развитие отношений *всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия* между Китаем и Россией в XXI в., расширение и углубление политического и торгово-экономического взаимодействия значительно увеличили интерес в Китае к русскому языку и способствовал росту сотрудничества в языковой области. Делается вывод о том, что сегодня трудно предсказать, какими будут результаты такого сотрудничества и как в целом пойдет дальше развитие преподавания русского языка в будущем. По мнению китайских русистов, если в прошлом русский язык сыграл незаменимую роль в привлечении достижений зарубежных стран, то теперь он может оказать содействие эффективному выходу китайской культуры за рубеж.

Ключевые слова: Китай, Россия, русский язык, изучение, распространение, сотрудничество.

Автор: Ли Иннань, профессор Пекинского университета иностранных языков, постоянный член правления Китайского общества изучения истории китайско-русских отношений

李英男

俄语在中国：历史与当代

摘要. 本文回顾了自 17 世纪至今俄语传入中国并在中国传播、学习和使用的历史，并比较了俄语在清朝、民国和新中国各个时期的影响力。本文指出，21 世纪中俄全面战略协作伙伴关系的发展，以及政治、经贸互动的不断拓展和深化，显著提升了中国国内对俄语的兴趣，并促进了语言领域合作的发展。本文认为，目前很难预测此类合作的成果以及未来俄语教学的发展方向。中国俄罗斯学家认为，如果俄语在过去对吸引外国成就发挥了不可替代的作用，那么现在它能够有效促进中国文化走出国门。

关键词：中国；俄罗斯；俄语；学习；传播；合作。

作者：李英男，北京外国语大学教授，中国中俄关系史研究会常务理事

Li Yingnan

The Russian Language in China: History and Contemporary Developments

Abstract. The article explores the history of the introduction of the Russian language into China and its subsequent dissemination, study and use from the 17th century to the present. It compares the extent of Russian language influence during the Qing Dynasty, the Republic of China and the PRC. The discussion highlights how the development of a comprehensive partnership and strategic cooperation between China and Russia in the 21st century, along with the expansion and deepening of political, trade and economic relations has significantly increased interest in the Russian language in China and contributed to greater cooperation in the linguistic field. The article concludes that it is currently difficult to predict the results of such cooperation or the future trajectory of Russian language education in China. According to scholars of Russian studies there, while the Russian language previously played an irreplaceable role in introducing foreign achievements to China, it now has the potential to facilitate the effective dissemination of Chinese culture abroad.

Keywords: China, Russia, Russian language, study, dissemination, cooperation.

Author: *Li Yingnan*, Professor, Beijing University of Foreign Studies; Permanent Member of the Board, China Association for the Study of History of Sino-Russian Relations

В результате расширения на восток и покорения Сибири Российское государство в XVII в. вышло на границы Китая. Завязались непосредственные торговые отношения. Вместе с тем русские казаки стали проникать на земли Цинской империи, что привело к пограничным стычкам и вооруженному конфликту. Общая обстановка заставила стороны сесть за стол переговоров, и в 1689 г. был подписан Нерчинский договор, урегулировавший целый ряд двусторонних вопросов. В результате развития контактов с Россией Цинский двор почувствовал необходимость отказаться от языка-посредника (латыни) и организовать изучение русского языка. Как указывают китайские исследователи, император Канси (1654–1722), принимая это решение, исходил из желания лучше узнать Россию и при этом считал, что удобнее пользоваться собственными переводчиками (не иностранцами) для разрешения различных сложностей, возникавших в двусторонних контактах, и «предотвращения обмана с русской стороны» [Wang Jinrong, 2010, p. 95].

Так, в 1708 г. в Пекине появилась Школа русского языка (俄罗斯文馆), что означало начало изучения русского языка в Китае. На протяжении более чем трех столетий, прошедших с этого события, русский язык не прекращал своего существования в этой стране, но переживал неоднократные подъемы и спады в зависимости от состояния отношений двух стран и внутривосточной ситуации в Китае. Данная статья представляет собой краткий обзор этого сложного пути и предлагает следующую периодизацию: период Цинской империи, период Китайской республики и период КНР; каждый указанный раздел включает несколько подразделов.

Период Цинской империи

Начало начал: первое училище иностранного языка в Китае (1708–1862)

В отношении времени основания Школы русского языка долгое время существовали разночтения. Позднее дата ее основания была уточнена — 1708 г. В настоящее время этой датировки придерживается большая часть китайских исследователей¹. Главным основанием здесь являются хранящиеся в настоящее время на Тайване документы Цинского периода, которые были изданы в сборнике «Материалы по истории династий Мин и Цин» (明清史料), а также обнаруженная китайским историком Гао Вэньфэнгом в маньчжурских фондах музея Гугун папка документов Государственной канцелярии (內閣) «Архивное дело по императорскому указу об учреждении Школы русского языка в третий месяц 47-го года правления Канси» [Hao Shuxia, 2005, p. 16]. В самом начале деятельность Школы регулировалась специальными указами императора и постановлениями Государственной канцелярии. В 1716 г. было введено двойное подчинение — Государственной канцелярии и Палаты по делам вассальных территорий (理藩院). Чиновники-кураторы школы одновременно занимались вопросами Русской духовной миссии (РДМ), работавшей в Пекине с 1715 г., и иными прибывающими из России лицами. Таким образом, работа школы была включена в единую систему курирования вопросов отношений с Россией.

Архивные документы свидетельствуют, что император Канси уделял школе большое внимание. Школа была включена в систему центрального государственного образования, ее задачей была подготовка переводческих кадров и чиновников для внешних сношений. Курс обучения был рассчитан на 5 лет. Преподаватели и служащие школы находились на содержании императорского двора. Ученики, набиравшиеся из среды маньчжурской элиты (24 чел. в группе), помимо денежной стипендии, получали «казенный стол и все принадлежности к учению»².

Несмотря на высочайшее внимание, школа с самого начала столкнулась с большими сложностями. Мотивация учащихся к овладению сложным и незнакомым языком была слабой. Многие не дотягивали до конца обучения. Большую проблему представлял поиск преподавателей. Похоже, что цинские власти плохо понимали систему преподавания иностранных языков: нанимаемые ими случайные люди (солдаты из «русской роты» в составе маньчжурской армии и другие русские, осевшие в Китае) владели разговорным языком, но грамотностью не отличались. С 1715 г. школа обратилась к РДМ, и православные священнослужители и ученики миссии на протяжении 19 лет вели занятия, что благотворно сказалось на обучении. Однако обострение отношений с РДМ и общее недоверие к иностранцам привели к решению властей использовать в качестве преподавателей выпускников школы. Отсутствие носи-

¹Детальное исследование точного времени создания школы провел российский исследователь П.А. Лапин. См.: Лапин П.А. Первая школа русского языка в Китае. М.: Восточная литература, 2009. 127 с.

²Адоратский Н. История Пекинской Духовной миссии во второй период ее деятельности (1745–1808). Выпуск II. Казань, 1887. URL: https://www.orthodox.cn/localchurch/nadoratsky/2-2_ru.htm (дата обращения: 10.07.2025). Цитата из документа А.Г. Владыкина, составленного в 1802 г. (Прим. ред.).

телей языка обернулось тем, что в переводах не соблюдались даже базовые правила русской грамматики. В результате в официальном докладе 1824 г. на имя императора Даогуана (1782–1850) было отмечено: «(...) ученики [теперь] переводят русские тексты на маньчжурский лад» [Ming Qing Shiliao]. Эти печальные факты заставили цинские власти восстановить практику привлечения преподавателей из РДМ «для помощи в преподавании».

Так как преподавание русского языка строилось на «пустом месте», остро стоял вопрос учебников и учебных пособий. В 1725 г. один из учеников РДМ передал школе «Граматику» М.Г. Смотрицкого — самый авторитетный труд того времени. Однако он оказался чересчур сложным для понимания и усвоения учениками школы. Только в 1746 г. на основе перевода «Граматики» на маньчжурский язык было составлено необходимое учебное пособие. Помимо него в качестве учебных материалов использовались разговорники, составленные при помощи РДМ, и тексты официальной переписки между китайскими и русскими властями. Для повышения мотивированности учащихся и воспитания прилежания Цинские власти прибегли к неординарному приему: еще до окончания школы ученики определялись на должность и должны были совмещать учебу с работой в правительственных ведомствах [Li Nanqiu, 2002]. В каком-то смысле это можно назвать стажировкой для развития языковых навыков.

Конфуцианская система образования всегда придавала большое значение заучиванию текстов и многочисленным экзаменам, на основе которых производилась аттестация. Эта же система применялась и в Школе русского языка. Однако, как считает П.А. Лапин, «несмотря на ужесточение аттестационной системы, качество знаний учеников продолжало оставаться весьма посредственным» [Лапин, 2009, с. 83]. Об этом же говорит и ряд других фактов. Когда в 1845 г. впервые состоялся обмен книгами между китайской и российской сторонами, ученикам школы было поручено составить каталог российских книг, однако для них «перевод одних только названий оказался чрезвычайно трудным делом» [Yu Lizi, 1991].

Тем не менее Школа русского языка, просуществовавшая 154 года, оставила свой след в истории как первое учебное заведение с преподаванием русского языка. Упорядоченная организационная структура, четкие образовательные задачи и учебный регламент стали примером для других школ в последующий период. Лучшие выпускники школы, работая переводчиками и преподавателями, внесли свой вклад в развитие русистики в Китае.

Движение вперед: русский язык во второй половине XIX в.

Политическая ситуация, сложившаяся после неудачных для Китая Опиумных войн, вынудила цинское правительство расширить преподавание иностранных языков. В 1862 г. влиятельный государственный деятель великий князь Гун, возглавивший «движение за самоусиление», писал: «Чтобы понимать ситуацию в разных странах, необходимо, прежде прочего, выучить их язык и письменность, только так мы не станем жертвами обмана» [Han Li, 2010, p. 44]. На этой волне в 1862 г. было учреждено Училище иностранных языков Тунвэньгуань (同文馆) с преподаванием англий-

ского, французского, немецкого и японского языков. Школа русского языка как самостоятельное заведение была упразднена и влилась в состав Тунвэньгуаня наравне с другими языковыми отделениями. При организации Тунвэньгуаня опыту работы школы было уделено должное внимание. В плане административного управления Тунвэньгуаня оставалась в структуре госаппарата, подчиняясь созданной в 1861 г. Канцелярии по управлению делами разных стран (总理各国事务衙). Неизменной осталась и система экзаменов. В методике преподавания по-прежнему главный упор делался на работу с текстами и развитие навыков письменного перевода. Из наиболее заметных переводов, сделанных учащимися Тунвэньгуаня, можно назвать такие книги, как «Краткая история России» (俄国史略), «Сборник переводов по русской истории» (俄史辑译), «Западная наука в кратких выдержках» (西学考略) и др. Согласно уставу училища, были официально учреждены штатные должности для иностранных преподавателей. В период 1863–1898 гг. на русском отделении работали 12 иностранцев [Hao Shuxia, 2005, p. 31].

Самый важный реформаторский шаг в деятельности Тунвэньгуаня заключался в отходе от конфуцианских традиций преподавания и разработке новой учебной программы, в которую были включены разнообразные естественнонаучные и гуманитарные дисциплины: математика, химия, география, краткая история зарубежных стран и т.д. Хотя эти дисциплины не были профилирующими, тем не менее создание Тунвэньгуаня обозначило «поворот от узкоспециализированной системы подготовки переводческих и дипломатических кадров в интересах внешних сношений к подготовке специалистов широкого профиля, знатоков “заморских дел” в интересах “познания чужестранцев” и “перенимания иноземного для того, чтобы одолеть иноземцев”» [Han Li, 2010, p. 43–44].

Другое важнейшее изменение в указанный период — это расширение географии преподавания русского и других иностранных языков. Ранее Цинские власти опасались, что знание иностранных языков открывает доступ к государственным тайнам и к сношениям с чужестранцами, и потому держали преподавание русского языка под своим контролем, в столичных стенах, ограничивая набор учащихся «надежными» маньчжурскими отпрысками. Теперь же под влиянием Движения за самоусиление иностранные языки выходят за пределы Пекина, во многих провинциях создаются училища по образцу Тунвэньгуаня, которые принимают не только маньчжуров, но и ханьцев. Помимо столицы, школы русского языка были созданы в приграничных районах Северо-Востока и в Синьцзяне, а также в крупных торговых городах (Тяньцзинь, Гуанчжоу, Ханькоу), т.е. в тех местах, где знание русского языка было наиболее востребовано. Экономические факторы проявили свою роль в Ханькоу, быстро растущем торгово-промышленном городе на берегу реки Янцзы. Во второй половине XIX в. здесь получила бурное развитие китайско-российская чайная торговля, образовалась многочисленная русская диаспора, была создана Русская торговая палата. Успехи русского бизнеса привлекли внимание местных чиновников. В Хубэйском училище Цзыцян сюэтан (自强学堂, Школа самоусиления) было открыто отделение русского языка, в городе начала также работать русско-китайская коммерческая школа. Это было новым явлением в истории развития русского языка.

*Вынужденная трансформация: период развала Цинской империи
(конец XIX в. — 1911 г.)*

Дряхлеющая Цинская империя не имела сил сопротивляться напору новых веяний. Рушилась традиционная система образования, быстрым ходом шло создание учебных заведений по европейскому образцу и трансформация старых учебных заведений. Появилось разделение на начальные, средние и высшие школы. В 1898 г. в Пекине была учреждена первая модернизированная высшая школа комплексного типа — фактически первый в истории Китая университет, получивший название Цзинши дасюэтан (京师大学堂 (Столичный [Пекинский] университет), в 1912 г. официально переименован в Пекинский университет (北京大学) . Он открыл свои двери молодежи из разных сословий. Русский язык не был ведущей специальностью, но как дополнительная дисциплина преподавался на разных факультетах, а на литературоведческом факультете русская литература впервые вошла в учебную программу как одна из специальных дисциплин. В этой обстановке училище Тунвэньгуань со своей старомодной образовательной системой все больше становилось анахронизмом. В 1902 г. его объединили со Школой перевода в составе университета Цзинши дасюэтан. Такая реструктуризация благотворно сказалась на методике и результатах преподавания русского языка.

Коммуникативная функция русского языка получает особую актуальность с началом строительства в 1898 г. Россией Китайской восточной железной дороги (КВЖД), проходящей через территорию Маньчжурии. В апреле 1899 г. Цинское правительство создает в Пекине Школу русского языка при железной дороге восточных провинций (东省铁路俄闻学堂) [Лапин, 2009]. Изначально в ней преподавалось всего два предмета — русский и китайский языки. Видимо, считалось, что этого достаточно для обслуживания контактов с российской стороной. Интерес к русскому языку проявился и на местах. В 1902 г. генерал-губернатор провинции Хэйлуцзян учредил в г. Цицикаре (тогдашней столице провинции) учебное заведение Синьйюэтан (兴育学堂, Школа возрождения воспитания), которое он гордо называл «университетом русского языка», хотя в нем обучалось не более 30 чел. [Liu Ziyang, 1988, p. 338–339]. В Харбине также была создана Школа перевода Цицзян и сюэтан (吉江译学堂, Школа переводов Цицзян), готовившая переводчиков с русского языка.

Расширяя влияние на Северо-Востоке Китая, Россия предпринимала усилия по созданию собственной школьной системы, прежде всего, в зоне строительства КВЖД и в г. Харбине. Русские школы, где преподавание целиком велось на русском языке, главным образом обслуживали российских граждан, однако в эти школы принимались и китайские дети. К примеру, в 1903 г. в Харбине была открыта Образцовая русско-китайская школа, в которой занимались 20 китайских мальчиков. В 1911 г. коммерческая школа при КВЖД начала принимать китайских учащихся. В Цицикаре работала русская школа для китайцев, где учились 35 китайских детей. При главных железнодорожных мастерских в Харбине были созданы вечерние курсы, где учились и одновременно приобретали специальность русские и китайские подростки [Мелихов, 1991, с. 158, 245]. Кроме того, в 1899-1902 гг. в г. Даляне (Дальний) и Люйшунькоу (Порт-Артур), а также в прилегающих районах были открыты первые четыре

«российско-цинские школы» (俄清学校), позднее число этих школ дошло до 15. Их целью было воспитание контингента низовых служащих для различных ведомств, которые бы «отлично знали русский язык и были бы преданны России» [Li Xiping, 1998, p. 241]. После поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. работа этих школ была свернута.

Учеба в России — конец XIX — начало XX вв.

Обучение за границей является одним из успешных способов овладения иностранным языком. Еще в 1735 г. один из цинских чиновников внес предложение отправлять учащихся Школы русского языка на учебу в Россию для повышения качества образования, но в то время это предложение было оставлено без внимания. Только в 1870-х гг. молодежь начали направлять на учебу в США и европейские страны. Первая группа в составе четырех человек с монаршего дозволения выехала на стажировку в Россию в 1896 г. Это были учащиеся Тунвэньгуаня. После трех лет обучения и проживания в стенах китайского посольства они по возвращении на родину получили хорошие чиновные должности.

В дальнейшем число китайских студентов в России непрерывно увеличивалось. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, углубилось понимание эффективности обучения за границей. Один из виднейших чиновников цинского правительства Чжан Чжидун писал: «Выезд за рубеж на один год эффективнее пяти лет изучения иностранных книг [внутри страны]» [Chen Huexun, 1991, p. 44]. Во-вторых, упразднение в 1905 г. тысячелетней системы императорских экзаменов (科举) сделало обучение за рубежом одним из важных социальных лифтов для молодежи. И, наконец, развитие контактов с Россией в этот период обещало неплохие возможности для знающих русский язык. К организации учебы в России помимо центрального правительства подключились и провинциальные власти (начало положила провинция Хубэй, за которой последовали Хэйлуцзян и Цзилинь). Направляемые учащиеся поступали в высшие учебные заведения Санкт-Петербурга, сначала на подготовительное, а затем на основные отделения и жили в русских семьях для лучшего овладения языком.

Количество китайских учащихся в России было намного меньше, чем в странах Европы. Так, в 1908–1910 гг. из 500 государственных стипендиатов в Великобритании обучались 124 чел., во Франции — 140 чел., а в России — 23 чел. [Wei Guozhi, 1998, p.280]. Помимо железнодорожных специальностей и горнорудного дела, многие молодые люди изучали в России юриспруденцию. По мнению Чжан Чжиюя, причина кроется в том, что, с одной стороны, у китайских учащихся гуманитарная база была лучше, чем научно-техническая, и изучение юриспруденции им давалось легче, чем инженерно-технические науки. А с другой стороны, Китай и Россия имели в то время схожее монархическое устройство, и Цинское правительство, пытавшееся найти спасительный выход из глубокого политического кризиса, возможно, полагало, что «могло бы что-нибудь позаимствовать из российского политического опыта» [Zhang Zeyu, 2004, p. 202].

Период Китайской республики (1912–1949)

Окончательный крах Цинской и Российской империй произошел примерно в одно и то же время — 1911 и 1917 гг. (разница в 6 лет — для истории небольшой срок). Бури революционных трансформаций и сложные перипетии в отношениях между двумя меняющимися политическую систему странами сказались и на судьбе русского языка.

Реформирование и развитие образовательных структур: русский язык в начальный период Китайской республики

Сразу после свержения имперского строя, в январе 1912 г. в структуре нового правительства было образовано Министерство просвещения Китайской республики во главе с Цай Юаньпэем, немедленно взявшимся за модернизацию и реструктуризацию образования. В 1912 г. Железнодорожная школа русского языка Восточных провинций была преобразована в Специальное училище и передана под управление Министерства иностранных дел, которое назначало директора и отвечало за проведение выпускных экзаменов. Выпускник, показавший на них лучшие результаты, принимался на работу в МИД, остальные же распределялись Государственным советом на службу в пограничных северо-восточных и северо-западных провинциях страны [Ma Guijun, 2006]. Срок обучения был продлен до пяти лет. В программу языковых занятий были включены русская история и литература, разговорный язык, дипломатические тексты и т.д. С 1922 г. было усилено преподавание правоведческих дисциплин, и преобразованное учебное заведение получило название Специальное училище русского языка и права при МИД Китайской республики.

По этому образцу в 1924 г. было создано схожее училище в Синьцзяне в целях удовлетворения потребностей провинции в собственных специалистах. Училище финансировалось целиком за счет местных ведомств, к преподаванию были привлечены русские эмигранты, в том числе имевшие юридическое образование. Впоследствии на базе этого училища был создан Синьцзянский университет.

На Северо-Востоке Китая положение русского языка было уникальным. Здесь его центром стал Харбин, где в 1918–1922 гг. нашли убежище десятки тысяч (по некоторым сведениям, сотни тысяч) беженцев из России. Среди них большую часть составляли представители образованного класса, которые дали импульс развитию русскоязычного высшего образования в Харбине: в 1920 г. были созданы Высшие экономико-юридические курсы (с 1922 г. — Юридический факультет) и Русско-Китайский технический колледж, выросший в Харбинский политехнический институт (ХПИ). Эти учебные заведения были рассчитаны, прежде всего, на носителей языка, однако позднее, после прохождения подготовительных курсов, в них стали принимать и китайцев. «Поскольку в Харбине не существовало учебных заведений европейского типа, кроме русских вузов, набор в них существенно вырос... Вместе с тем усилился интерес китайских граждан к изучению русского языка и повышению профессиональной квалификации» [Хисамутдинов, 2015, с. 277].

В 1924 г. Советский Союз заключил соглашение с Китаем о совместном управлении КВЖД. В связи с этим в школьной сети КВЖД заметно увеличилось количество школ для детей китайских служащих и рабочих, принимались в них и дети частных лиц с китайским гражданством. Администрация КВЖД уделяла большое внимание ХПИ, готовившему инженеров-путейцев. Подготовительное отделение для китайцев предусматривало трехлетний курс обучения русскому языку и подготовку по некоторым другим предметам. Была разработана детальная учебная программа и целый ряд учебников и специализированных учебных материалов и пособий по русскому языку. Высокоэффективная подготовка стала «образцом преподавания русского языка китайским учащимся в других подобных учебных заведениях» [Нао Shuxia, 2005, p. 117].

*На волнах политических бурь:
русский язык в условиях политизации общественной жизни (1920-е гг.)*

В Китае 1920-е гг. характеризовались бурным кипением политической жизни, оформлением и столкновением различных идей и течений, а также непрерывными гражданскими войнами.

Русский язык оказался в эпицентре этой турбулентности. В 1917 г. Цай Юаньпэй лично возглавил Пекинский университет. Демократические взгляды ректора сделали Пекинский университет доступным для молодежи из малообеспеченных слоев населения и привлекли на его кафедры цвет китайских интеллектуалов того времени. Под влиянием Октябрьской революции в России (1917 г.), нашедшей горячий отклик среди леворадикальной китайской интеллигенции, в том числе у Ли Дачжао и других профессоров Пекинского университета, факультет русской литературы быстро радикализировался. При поддержке Советского посольства в Пекине в 1920-е гг. занятия на факультете в основном вели советские преподаватели: писатель и поэт С.М. Третьяков, китаеведы С.А. Полевой, журналист А.А. Иванов (А.Ивин) и др. Несмотря на запрет для иностранных граждан занимать должность декана факультета, «по-настоящему управлял делами на факультете преподаватель русского языка Ивин, рекомендованный советской стороной» [Ibid, p. 108].

В 1921 г. при поддержке Коминтерна была образована Коммунистическая партия Китая. В рядах коммунистов русский язык приобрел особое значение как ключ к овладению марксизмом-ленинизмом и поездке в «красную Мекку» — Москву. Уже в период подготовки к созданию КПК, в сентябре 1920 г. в Шанхае, на территории французской концессии была создана Школа иностранных языков (外国语学社), в которой главным предметом был русский язык. Директор школы, коммунист Ян Минчжай вел занятия вместе с женой представителя Коминтерна в Китае Г.Н. Войтинского М.Ф. Кузнецовой. По направлению коммунистических организаций из разных регионов страны в эту школу поступали учащиеся, которых готовили к отправке в Москву. За период своего недолгого существования школе удалось отправить три группы учащихся (26 чел.), среди которых был будущий Председатель КНР Лю Шаоци и другие видные деятели китайской революции.

Русский язык занимал также важное место в Шанхайском университете, образованном в 1922 г. и «фактически являвшимся учебным заведением КПК, конкретными делами в университете целиком ведали коммунисты» [Ibid, p. 142]. Многие учащиеся этого университета в 1925–1927 гг. были направлены в Москву.

В 1920-е гг. обучение в России, в учебных заведениях Коминтерна, было важным способом подготовки партийных кадров для КПК. Изначально китайцев направляли в Коммунистический Университет трудящихся Востока. В 1925 г. на подъеме революционной ситуации в Китае в Москве был создан Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (УТК). В период с мая 1926г. по июль 1927 г. университет номинально находился под совместным управлением ВКП(б) и Гоминьдана. Члены партии Гоминьдан обучались вместе с коммунистами. В августе 1927 г. после разрыва с КПК Гоминьдан объявил об отказе от УТК, коммунисты же продолжили обучение в Коммунистическом университете трудящихся Китая (КУТК), а также в Международных ленинских школах и различных военных училищах. В программы всех этих учебных заведений в первую очередь входило обучение русскому языку, носившее инструментальный характер. Учебными материалами по языку служили газета «Правда», документы Коминтерна и ВКП(б) и т.п. Главными дисциплинами были курс исторического и диалектического материализма, история революционного движения, политэкономия, основы ленинизма по курсу лекций И.В. Сталина, военное дело и т.п. Далеко не все слушатели могли понять содержание лекций, читавшихся на русском языке, поэтому наиболее успешные учащиеся назначались переводчиками, переводившими объяснения преподавателей. Слушатель КУТК, будущий Председатель КНР Ян Шанкунь вспоминал: «Летом 1928 г., когда я пробыл уже год в СССР и повысил уровень русского языка до того, что мог выборочно читать материалы по марксизму-ленинизму, истории западного революционного движения, истории общественного развития и т.п., университет определил меня в переводческую группу, чтобы я готовился стать переводчиком. И через некоторое время я начал работать переводчиком спецгруппы»³ [Yang Shangkun, 2001, p. 30].

Насколько эффективным был столь политизированный способ преподавания русского языка? Большая часть обучавшихся в СССР имела сильную политическую мотивацию и училась не за страх, а за совесть, стараясь преодолеть сложности русского произношения, грамматики и т.д. Однако далеко не всем это удавалось. Как свидетельствует один из слушателей Ши Чжэ, назначенные переводчиками учащиеся нередко путались, с трудом переводили русских лекторов, «поэтому мы [китайские слушатели] не могли ухватить главного и словно вязли в тумане» [Shi Zhe, 1991, p. 14]. По прикидкам слушателя УТК Шэн Чжунляна, только 10% учащихся достигли хорошего уровня владения языком [Hao Shichang, Li Yachen, 2001, p. 146]. Достижения УТК и других учебных заведений этого типа, как отмечают китайские исследователи, выразились в другом: пребывание в СССР оказало глубокое влияние на политическую биографию учащихся, «большинство выпускников заняли важные посты в обеих партиях» — в КПК и Гоминьдане [Zhang Zeyu, 2009, p. 118.].

В целом, через советские военно-партийные учебные заведения в 1920–1930-е гг. от КПК прошло более двух тысяч человек.

³ Группа, состоявшая из высокопоставленных членов КПК.

Сложные времена — конец 1920-х–1940-е гг.

Политизированность сыграла дурную шутку: все политические передраги этого периода больно ударили по русскому языку. В ходе междоусобной войны Пекин в 1926 г. перешел под контроль маршала Чжан Цзолина, настроенного на решительную борьбу с «красными элементами». В апреле 1927 г. по его приказу был произведен погром в советском посольстве, где был захвачен и затем повешен Ли Дачжао. В Пекинском университете упразднили факультет русской литературы, большая часть русскоязычных книг и учебных материалов в университетской библиотеке была уничтожена. Чжан Цзолин также разогнал созданный в 1925 г. на общественных началах Китайско-российский университет. В Шанхае, где с апреля 1927 г. «чисткой коммунистов» занялся Чан Кайши, был закрыт прокоммунистический Шанхайский университет.

На Северо-Востоке Китая сокращение преподавания русского языка произошло в связи с началом агрессии Японии в сентябре 1931 г. Хисамутдинов отмечает: «После установления в 1932 г. в Маньчжурии прояпонского марионеточного правительства возник ряд факторов, которые негативно влияли на деятельность русских учебных заведений: политические проблемы, продажа КВЖД, отъезд из Харбина многих русских, наконец, что в итоге оказалось решающим, стремление японских властей ликвидировать все русские образовательные учреждения. Последовала реформа харбинских вузов, началась японизация учебного процесса» [Хисамутдинов, 2015, с. 282].

Поддерживающим фактором для русского языка стала позиция СССР, осудившего в Лиге Наций оккупацию Японией Северо-восточного Китая, а также заключение Договора о ненападении между СССР и Китаем в августе 1937 г. Были организованы советские поставки вооружения, авиатехники и другой помощи через Синьцзян в центральную часть Китая. Советские летчики защищали небо над китайскими городами. Все это «намного повысило авторитет Советского Союза в Китае и вызвало подъем интереса к изучению русского языка» [Нао Shuxia, 2005, p. 124]. Национальное правительство в 1935 г. утвердило создание *Китайско-советской культурной ассоциации*, вокруг которой сгруппировались многие известные общественные деятели, писатели и русисты. В военной обстановке ее отделения создали курсы русского языка в Чунцине, Гуйлине, Сиане, Ланьчжоу и других тыловых городах. Китайская православная церковь в 1936 г. открыла в Шанхае китайско-русскую школу, в которую принимали не только русских прихожан, но и китайскую молодежь. В 1945 г., после Ялтинской конференции и подписания Советско-китайского договора о дружбе и союзе наметилась тенденция к расширению университетского преподавания русского языка. Соответствующие отделения открылись в Центральном университете (после 1949 г. переименован в Нанкинский университет) и Ланьчжоуском государственном университете.

Другим поддерживающим фактором в этот непростой период была русская литература, притягивавшая многих китайских интеллектуалов и подталкивавшая их к изучению русского языка. Так, в Северо-Восточном университете после 1931 г. эвакуировавшемся вглубь страны, русская и советская литература на протяжении многих лет занимали важное место в учебной программе кафедры русского языка.

В 1934 г. студенты создали на кафедре «Общество русской литературы» с читальным залом, где были представлены книги, газеты и журналы на русском языке. В Северо-Западном университете помимо языковых занятий студенты изучали такие предметы, как избранная русская проза, история русской литературы, российское литературоведение и т.д.

В оккупированном японцами Шанхае действовало издательство «Шидай» (Эпоха), получавшее финансовую помощь от СССР. Издательство переводило и издавало произведения русской и советской литературы, пользовавшиеся успехом у китайских читателей. Художественное воздействие этих текстов определялось еще и тем, что в работе по их переводу участвовала целая плеяда выдающихся литературных деятелей, поклонников русской литературы. Среди них известные переводчики Е Шуйфу и Цао Ин, которые изучили русский язык по собственному почину: первый — на вечернем отделении Китайско-русской школы, а второй — с помощью русской эмигрантки, у которой он брал частные уроки. «Тогда мало кто учил русский, и вообще надо было скрывать это от других. Ведь Россия увязывалась с такими понятиями, как СССР, красные, коммунизм и т.п. И если бы дознались японцы, мне бы не поздоровилось», — вспоминал впоследствии Цао Ин⁴.

Период Китайской Народной республики (после 1949 г.)

Со времени образования КНР русский язык существовал и развивался в условиях совершенно иной общественно-политической и идеологической системы и оказался еще в большей степени подверженным влиянию политических факторов. Как справедливо замечает президент Китайской ассоциации преподавателей русского языка (КАПРЯЛ) профессор Нин Ци, «подъемы и спады на этом историческом пути отражают перипетии китайско-советских (китайско-российских) отношений, можно даже сказать, служат барометром развития этих отношений» [Ning Qi, 2019, p. 76].

Ростки новой системы в «красных районах»: русский язык в 1940-е гг.

Задолго до провозглашения КНР новая политическая система начала формироваться на территориях, контролировавшихся КПК. Русский язык здесь стал актуальным после начала Второй мировой войны. В этот период столицей новых «красных районов» был городок Яньань на северо-западе Китая. В 1940 г. вернувшийся из СССР поэт Сяо Сань создал здесь первые курсы русского языка, работавшие по вечерам и в воскресные дни. Чуть позднее, в том же 1940 г. более регулярные курсы начали работать при Институте марксизма-ленинизма. Выпускники этих курсов составили кадровый костяк исследовательского сектора Института. С этих пор преподавание русского языка в Яньане приобретало все более устойчивые формы. В марте 1941 г. в структуре Китайского народного антияпонского военно-политического уни-

⁴ Interview: “Cao Ying: «Women zheyangde yizhe xianzai chibukai» “草嬰：我们这样的译者，现在吃不开” [Translators like us can't handle it now]. Dongfang Zaobao. Aug., 2007.

верситета была образована «бригада русского языка» — военизированное учебное формирование, состоявшее из партийных кадров, прибывших по направлению Военного совета ЦК КПК из фронтовых и тыловых армейских частей, а также из партийных учреждений. Число слушателей в этой бригаде превышало 100 чел., а в 1942 г. достигло 150 чел. «Бригаду русского языка» можно считать прародительницей целого ряда учебных заведений КНР с языковой направленностью. В их числе Пекинский и Шанхайский университеты иностранных языков, Хэйлуцзянский университет и др.

Главной задачей бригады была подготовка военных и политических переводчиков. Обучение русскому языку занимало 80% учебного времени, остальные 20% отводились политическим и идеологическим предметам. За неимением носителей языка к преподаванию были привлечены партийцы, обучавшиеся в 1920-30-х гг. в СССР, а также те, кто учились в ХПИ или долгое время работали в Харбине и общались с русскими. Учебные материалы брались из попадавших в Яньань советских газет («Правда», «Известия» и т.п.) и политических изданий (сочинения Ленина и Сталина, «Краткий курс истории ВКП(б)'). Крепкий политический «бульон» немного разбавляли произведения А.М. Горького, признанного «пролетарского писателя», и тексты из советских школьных учебников «Родная литература».

Набравшись опыта, китайские преподаватели попробовали также сами составлять учебные тексты, стараясь увязать их с актуальной действительностью. Например, «Климат Яньаня», «Рассказы о партизанах» и т.д. Затем появились такие материалы, как «Разговорник по русскому языку», «Употребительные русские слова и выражения» и пр. Основной упор делался на формирование практических навыков чтения, аудирования и говорения. Отсутствие языковой среды пытались восполнить приказными методами: от слушателей требовалось, чтобы они «в бытовой жизни, при участии в производственном труде и на отдыхе — везде говорили по-русски. Это правило было закреплено как дисциплинарное требование. Таким образом, создавалась насыщенная атмосфера изучения русского языка» [Нао Shuxia, 2005, p. 150].

«Бригада русского языка» позднее была реформирована в Школу русского языка, давшую целую поросль учебных заведений в разных районах Северного и Северо-Восточного Китая, где с 1945 по 1949 г. шаг за шагом утверждалась коммунистическая власть. В этот период ведущая роль в преподавании русского языка перешла к Спецшколе иностранных языков (чаще ее называют Спецшкола русского языка), созданной в ноябре 1946 г. в Харбине на базе яньаньской школы. Новообразованное учебное заведение заимствовало основное направление и традиции преподавания из Яньаня и вначале также находилось в армейском подчинении, но в 1948 г. перешло в ведение Народного правительства Северо-восточного Китая, позднее на его базе был создан Хэйлуцзянский университет, ведущей структурой которого до сегодняшнего дня является факультет (ныне Институт) русского языка.

При основании Харбинской спецшколы во главе ее встали две женщины — Ван Цзиюй и Чжао Сюнь. Отлично владея русским языком, они понимали законы обучения иностранным языкам и грамотно наладили учебную работу. Для ведения практических занятий были приглашены харбинские русские преподаватели, китайским преподавателям поручили занятия по грамматике и переводу. Пять дней в неделю отдавалось русскому языку, один день — политзанятиям. «Благодаря их [Ван Цзиюй

и Чжао Сюнь] энтузиазму и организаторским способностям, Харбинская спецшкола русского языка очень быстро стала образцовым учебным заведением, прославившимся качеством образования и подготовившим для Китая целую плеяду замечательных специалистов-русистов», — пишет работавшая в спецшколе известная русистка Е.П. Кишкина (Ли Ша) [Li Sha, 2009, p. 174]. К осени 1949 г. Харбинская спецшкола занимала первое место в сфере преподавания русского языка в Китае по числу преподавателей и учащихся (около 50% от численности во всей стране) [Hao Shuxia, 2005, p. 165].

«Медовый месяц» дружбы: бум русского языка (1949–1959 гг.)

В канун провозглашения КНР Мао Цзэдун озвучил общий курс новой республики в краткой формулировке «склониться в одну сторону», т.е. в сторону СССР, обосновав это тем, что данная политика необходима «для одержания и закрепления победы» [Мао Тседонг, 1949]. Генеральная задача партии — «учиться у СССР» — требовала повсеместного распространения русского языка и большого контингента переводчиков. Опорную роль в подготовке русистов-переводчиков в этот период, помимо Харбинской спецшколы, сыграли несколько новых специализированных учебных заведений. В октябре 1949 г. была образована Спецшкола русского языка при ЦК КПК. Особый вес этому событию придавала каллиграфическая надпись с наименованием Школы, созданная Мао Цзэдуном в ее честь. Первым директором Школы был назначен личный переводчик Мао Цзэдуна Ши Цзэ. Преобразованное в Институт русского языка в 1956 г., это высшее учебное заведение долгое время находилось в ведении МИД КНР, подготовив большое число дипломатических и переводческих кадров высокой квалификации. Кроме этого, в декабре 1949 г. было основано Училище (с 1952 г. Спецшкола) русского языка в Шанхае, в 1952 г. — Спецшкола русского языка Северо-Западного Китая, в 1953 г. — Спецшкола русского языка Юго-Западного Китая. Общим для этих четырех спецшкол было то, что они вышли из «Яньаньской колыбели», или из армейских переводческих курсов. Позднее все они развились в университеты иностранных языков, сохранив ведущий в стране статус в сфере подготовки специалистов по русскому языку.

Помимо этого, в 1950 г. в 19 университетах были сформированы факультеты русского и литературы, к 1952 г. их число увеличилось до 36. В 1956 г. в системе высшего образования работало уже около двух тысяч преподавателей русского языка. В период 1953–1956 гг. число студентов по специальности «русский язык и литература» превысило 12 тыс. чел. (не считая учащихся педвузов и ведомственных училищ русского языка) [Liu Limin, 2009, p. 2]. Эта цифра значительно превышает численность русистов, подготовленных за всю предыдущую историю преподавания русского языка в Китае. По требованию партии и правительства изучение английского языка в вузах, не только на филологических, но и на научно-технических отделениях, сократилось до минимума, уступая место русскому языку. Расширение профильного преподавания русского языка потребовало разграничить задачи в зависимости от типа учебных заведений: спецшколы готовили переводческие и преподавательские кадры; университетские факультеты — преподавателей и литературоведов; педаго-

гические институты — школьных учителей русского языка, т.к. русский язык стал обязательным предметом в школьном образовании, вытеснив английский язык.

Небывалых доселе масштабов достигло направление учащихся за границу — прежде всего в СССР, а также в некоторые другие социалистические страны. В 1951 г. в Советский Союз выехала первая группа в составе 375 чел., в 1956 г. это число достигло 2085 чел. Всего же за 14 лет (вплоть до 1964 г.) для обучения и стажировки по различным академическим программам в СССР было направлено 8357 чел. [Li Binbin, 2018]⁵. В целях предварительной языковой подготовки в 1952 г. при Пекинском институте русского языка было создано Подготовительное отделение для выезжающих на учебу в СССР. В период с 1949 по 1959 г. через это отделение прошло почти 7 тыс. чел. [Hao Shuxia, 2011, p. 10]. Подчеркивая значение этой специфической учебной структуры, Хао Шуся отмечает: «Существование Подготовительного отделения для выезжающих на учебу в СССР было всего лишь кратким моментом в истории образования Нового Китая. Однако в течение столь короткого времени здесь перед выездом в СССР получили интенсивную подготовку по русскому языку будущие руководители государства, корифеи китайской науки, известные ученые и множество будущих специалистов, внесших выдающийся вклад в строительство Китая. Эта подготовка помогла сократить период их адаптации за границей и таким образом повысить качество учебы за рубежом» [Ibid, p. 11].

Качество преподавания русского языка в целом значительно улучшилось, благодаря добросовестности и рвению китайских преподавателей и самих учащихся, а также в связи с тем, что в преподавательский процесс включилось большое число носителей русского языка. Это способствовало созданию определенной языковой среды в учебных заведениях. Данный феномен связан с тем, что советские специалисты, командированные в Китай, привезли и свои семьи. «Членов семей было не только не меньше, но даже больше, чем самих специалистов. Например, в июне 1956 г. в Китае работали 2189 советских специалистов, а с учетом членов их семей в КНР находилось 5 тыс. человек. <...> Наличие такого количества родственников было очень привлекательным для министерств и организаций, остро нуждающихся в сотрудниках со знанием русского языка» [Шэнь Чжихуа, 2015, с. 204]. Общее число советских женщин (в основном это были жены специалистов), работавших в сфере преподавания русского языка, установить, к сожалению, не удалось. Есть только отдельные примеры. Так, на июнь 1956 г. в Шанхайской спецшколе русского языка среди 241 преподавателя 90 человек были русскими. Командированные специалисты-филологи, как правило, составляли незначительное меньшинство. Однако при их помощи на основе заимствования советского методического опыта преподавание русского языка приобрело более упорядоченный характер: в ведущих вузах составлялись учебные планы и программы, подготавливались учебники и учебные пособия. К концу 1950-х гг. в Пекинском институте русского языка был разработан систематизированный учебный комплекс в 8 частях, рассчитанный на четыре года обучения, который начали использовать во многих вузах. Вышла в свет «Методика преподавания русского языка».

⁵ Другие цифры предоставлены автором. По мнению Хао Шуся, «из-за разных определений сроков обучения студентов в СССР и различных каналов, по которым их направляли, статистические методы и значения значительно разнятся и дают цифры от 7000 до 30000» [Hao Shuxia, 2011, p. 9].

Особое значение русского языка в этот период признается современными китайскими исследователями. Хао Шуся подчеркивает, что в историческом процессе учебы у Советского Союза «роль русского языка как важнейшего, можно даже сказать, единственного инструмента общения, была совершенно незаменимой» [Hao Shuxia, 2011, p. 12]. Нин Ци останавливает внимание на том, что в этот период преподавание русского языка «вышло далеко за рамки языкового образования, внеся важный вклад в подготовку технических специалистов для самых разных отраслей экономики» [Ning Qi, 2019, p. 78]. Следует также отметить, что интенсивное распространение русского языка в 1950-е гг. велось не «из-под палки», а скорее пропагандистскими, чем принудительными методами. «Сегодня Советского Союза — это наше завтра», «Учиться у старших советских братьев» — эти лозунги вызывали неподдельный энтузиазм в широких кругах населения, особенно у молодежи. Отделения Общества китайско-советской дружбы по всей стране открыли вечерние языковые школы для желающих; Центральное народное радио и местные радиостанции транслировали уроки русского языка. «По всей стране возникла насыщенная атмосфера изучения русского языка. Люди читали книги, декламировали стихи, пели песни на русском языке — такие картины можно было увидеть на каждом шагу. В школах организовывали переписку учащихся с советскими ребятами, они посылали друг другу приветы, выражали дружеские чувства» [Liu Limin, 2009].

Тем не менее с высоты прошедших десятилетий четко вырисовываются недостатки такого «бума». «В первые годы после образования КНР не была как следует разработана или же вообще не существовала целостная и детализированная программа развития преподавания русского языка. Его развитие подчинялось трендам внешней и внутренней обстановки и отражало характеристики того времени — безрассудность и авантюристичное забегание вперед» [Wang Jinrong, Xia Hongzhong, 2011, p. 7]. Эти характеристики особенно ярко проявили себя во время многочисленных политических кампаний (борьба с правыми элементами, большой скачок и т.п.), нарушавших нормальный ход учебного процесса и подчинявших его политическим задачам. «Чрезмерная политизация накладывала значительные ограничения на содержание преподавания иностранных языков. И к тому же в учебном процессе применялись авральные методы, нарушавшие закономерности преподавания», — отмечает известный филолог Hu Wenzhong [Hu Wenzhong, 2009, p. 164]. Аномальное развитие русского языка в 1950-е гг. сравнивают с надуванием воздушного шара: «Сначала изо всех сил старались раздуть его все больше и больше. Потом вдруг спохватились — слишком стал несоразмерным, попытались немного сдуть. (...) А затем, почти доведя воздушный шар до нормального состояния, проткнули его насквозь» [Wang Jinrong, Xia Hongzhong, 2011, p.7].

*«Сдутый шар»: годы бедствий (1960–1970-е гг.)
и небыстрого восстановления (1980–1990-е гг.)*

Спыхватились в 1956 г., обнаружив «перепроизводство» выпускников с русским языком. Министерство образования КНР приняло постановление об исправлении перекоса — постепенном сокращении с 1957 г. приема на отделения русского языка и частичном восстановлении английского языка в вузах и средних школах. В 1959 г. спецшколы и институты русского языка как отдельные структуры были упразднены

и введены в состав институтов иностранных языков. Абсолютное доминирование русского языка пошло на спад.

В 1960 г. русский язык ожидал сильный удар: на фоне непрекращающегося конфликта между двумя партиями советский лидер Н.С. Хрущев приказал отозвать всех советских специалистов и прекратить экономическую помощь КНР. Как следствие, по всему Китаю произошло резкое сокращение преподавания русского языка или его полная отмена в целом ряде учебных заведений. Полностью прекратилось направление на учебу в СССР. Эти меры жестко сломали судьбы многих русистов — преподавателей и учащихся.

В довершение бед в 1966 г. разразилась «культурная революция», продолжавшаяся целое десятилетие. На долгие годы был приостановлен прием в вузы; студентов, преподавателей и школьников отправили в деревню «учиться у крестьян-бедняков». Все сферы культуры и образования подверглись катастрофическому разгрому. Не только русский, но и прочие иностранные языки были объявлены «ненужными» и даже вредными. Считалось, что изучение «чужеземных языков» прививает «низкопоклонство перед зарубежными странами» и облегчает «тайные сношения с заграницей». Русский язык, казалось, окончательно потерял позиции.

С 1972 г. улучшение отношений между Китаем и США дало импульс подъему английского языка, в то время как русский оставался «языком врага». После кровопролитного столкновения на острове Чжэньбаодао⁶ в 1969 г. в Китае ожидали военного нападения со стороны СССР. Для подготовки резерва военных и дипломатических переводчиков Пекинский институт иностранных языков в 1972 г. начал принимать учащихся на отделение русского языка по направлению армейских и партийных организаций. Вслед за тем Министерство образования дало разрешение 26 вузам раз в два года в ограниченном количестве набирать учащихся на специальность «русский язык». «Однако теперь масштабы преподавания русского языка были совершенно не сравнимы с 1950-ми годами. Во всей стране число учащихся едва ли достигало 1000. И к тому же содержание обучения носило особую политическую окраску» [Liu Limin, 2009, p. 3]. Так, в нарушение всех законов усвоения русской фонетики и грамматики первый урок в учебниках начинался с фразы: «Да здравствует Председатель Мао Цзэдун!» Нельзя не согласиться с мнением Ван Цзиньжуна: «Если вначале преподавание русского языка служило барометром дипломатических и политических отношений, то с конца 1950-х и до конца 1960-х [скорее, до начала 1980-х — прим. автора] оно стало жертвой политики» [Wang Jinrong, Xia Hongzhong, 2011, p. 7].

В 1977 г. был восстановлен прием в вузы через единые госэкзамены, деятельность университетов налаживалась, но отделения русского языка продолжали ограниченную деятельность, так как отношения с СССР по-прежнему находились на точке замерзания. Согласно инструкциям Министерства образования от марта 1979 г., общий набор студентов для изучения русского языка по стране следовало сохранять на уровне 200–300 человек в год [Sun Yuhua, Liu Hong, 2009, p. 200]. В этот период китайская русистика, находившаяся в сиротливом состоянии, держалась на энтузиаз-

⁶ Даманский (кит. Чжэньбаодао) — остров на реке Уссури, место советско-китайского пограничного конфликта в марте 1969 г. На основании соглашения «О советско-китайской государственной границе на её Восточной части» 1991 г. передан КНР. (Прим. ред.)

ме русистов и их любви к своей профессии. В январе 1980 г. 9 ведущих вузов на совещании в Шанхае договорились о создании Китайской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (КАПРЯЛ), которая была учреждена в мае 1981 г. и начала издавать свой журнал «Русский язык в Китае». В условиях реформирования образования китайская русистика успешно совершила переход от советской системы пятилетнего обучения в вузах к общепринятой системе бакалавриат-магистратура-докторантура. В 1987 г. началась работа по составлению программы преподавания русского языка на базовом этапе высшего профессионального образования. В том же году впервые было проведено всекитайское тестирование базового уровня русского языка у студентов начальных курсов, давшее надежный материал для составления вышеназванной программы, которая начала применяться с 1989 г.

Разморозка отношений между СССР и Китаем, начавшаяся в середине 1980-х гг., способствовала восстановлению международных контактов. В 1985 г. КАПРЯЛ стала коллективным членом Международной ассоциации преподавателей русского языка (МАПРЯЛ). В 1983 г. в СССР была направлена на стажировку первая группа университетских преподавателей русского языка в составе 10 человек. В 1987 г. китайские школьники впервые приняли участие в Международной олимпиаде по русскому языку в Москве, все 10 участников завоевали золотые медали.

Известный китайский русист Лю Лиминь считает, что с середины 1980-х гг. китайская русистика сделала значительный шаг в сторону рационального развития: «И хотя в конце 1980-х — начале 1990-х возникли внутренняя турбулентность в СССР и его последующий распад, но это не сказалось на преподавании русского языка в нашей стране, и оно смогло осмысленно и спокойно пережить восстановительный период» [Liu Limin, 2009, p. 5].

Восстановление разносторонних отношений в обстановке политического и экономического хаоса в России после 1989 г. вызвало всплеск приграничной торговли и породило неуправляемый поток коммерсантов-«челноков», сновавших между двумя странами. Русский язык неожиданно стал нужен как средство коммерческой деятельности, открывая новые возможности для трудоустройства и обогащения. Многие вузы поспешили заново открыть отделения или вечерние курсы русского языка. В 1999 г. общее число студентов, изучающих русский язык как специальность, приблизилось к 7000. Однако такой ажиотажный спрос на русский язык продержался недолго (менее 10 лет) и исчез, охлажденный суровой экономической реальностью. На этом фоне некоторые русисты оценили период рубежа XX-XXI вв. как время спада интереса к русскому языку и нового сокращения его преподавания [Wang Mingyu, Meng Xia, 2005; Cui Shengjie, Chen Ningning, 2011, p. 93–95]. В то же время Лю Лиминь говорит о «низкоскоростном, но устойчивом развитии» вплоть до конца 1990-х гг. [Liu Limin, 2009, p. 5].

Переход к всестороннему развитию в новую эпоху — XXI в.

Настоящую устойчивость развитию русского языка в Китае принес XXI в. вместе с поддержкой со стороны правительственных и образовательных структур. Масштабы и география преподавания русского языка в последние годы непрерывно расши-

ряются. Преподавание русского языка на уровне высшей школы практически охватило всю страну (исключение составляют периферийные районы — Юньнань, Цинхай и Тибет). Можно посмотреть на такие цифры: в 2023 г. 26 тыс. студентов бакалавриата изучали русский язык как специальность в 175 вузах; кроме того, русский язык как иностранный учили более 20 тыс. чел. в 400 с лишним вузах [Ning Qi, 2019, p. 81]⁷. «Преподавание русского языка, имеющее длительные традиции и особый статус, встретило “вторую весну”», — восклицает Лю Лиминь [Liu Limin, 2009, p. 5].

Однако следует отметить, что эта «весна» сильно отличается от «первой весны» 1950-х гг. Прежде всего, русский язык ныне не является в Китае доминирующим и никоим образом не может оспаривать лидирующую роль английского языка во всех сферах. Тем не менее русский язык играет определенную роль в международном общении, особенно в контактах Китая с Россией и со странами Центральной Азии. Большое значение приобрели экономические факторы. География размещения русского языка явно тяготеет к Северу, Северо-Востоку и Северо-Западу Китая, т.е. к районам, поддерживающим интенсивные экономические контакты с указанными странами. С другой стороны, наиболее экономически развитые приморские и южные провинции не спешат активно развивать русский язык (за исключением Шаньдуна), что говорит о недостаточной «разогретости» китайского общества в целом.

Слабым звеном в цепочке преподавания русского языка по-прежнему является средняя школа. Здесь пальма первенства принадлежит провинции Хэйлуцзян — 50 школ из 120 по стране. В настоящее время 23 тысячи китайских школьников учат русский язык. Для Китая с его 80 млн учащихся средних школ (не считая начальных) это мизерная цифра. Трудность ее увеличения объясняется многими факторами, в том числе и противодействием части родителей, считающих русский язык «слишком сложным и бесполезным» для будущего их детей, и в том, что многие университеты не принимают абитуриентов, сдающих ЕГЭ по русскому языку. Отделения русского языка и литературы в вузах, как ни странно, также предпочитают «нулевиков», так как школы с русским языком чаще всего расположены в сельских и периферийных районах и дают слабую подготовку, особенно много замечаний вызывают произношение и устная речь. Легче учить «с чистого листа», чем переучивать, считают вузовские преподаватели.

Переводческая и филологическая направленность русского языка в вузах, утвердившаяся с 1950-х гг., ныне подвергается реформированию, так как одно только знание языка уже не может удовлетворить общественные запросы. Университеты активно ищут новые модели расширения профессиональной ориентации в сочетании с другими специальностями: экономика, журналистика, правоведение, международные отношения и т.п. Постепенно осуществляется переход в сферу регионалистики. Новые модели улучшают возможности трудоустройства для молодежи, но в то же время отбирают учебные часы у русского языка в пользу других необходимых дисциплин. Как в таких условиях поддержать качество преподавания? Это вопрос открытый.

Варианты решения предоставляют быстро развивающиеся академическая мобильность и международное сотрудничество. В наши дни число китайцев, обучаю-

⁷ См.: List of Undergraduate Institutions Offering Russian Language Majors Nationwide, 2023. URL: <http://www.zhuanlan.zhihu.com> (accessed: 10.01.2025).

щихся в России, увеличивается с каждым годом и давно уже превзошло общую численность китайских студентов в 1950-1960-х гг. Можно привести такие цифры, относящиеся к последнему десятилетию: 2014 г. их было 18269 чел.; 2015 г. 28 тыс. чел.; 2017 г. около 30 тыс. чел. [Pan Yue, 2022]. После трех пандемийных лет, в 2022 г. это число превысило 37 тыс.; а в 2024 г., по данным российской стороны, увеличилось еще на 10 тыс., достигнув цифры 47 тыс. учащихся на очных отделениях вузов. Если же включить сюда обучающихся на подготовительных отделениях, то общая численность составит более 60 тыс. чел.⁸ Следует учесть, что в это число входят как государственные стипендиаты, так и те, кто оплачивает обучение за собственный счет, при этом число последних несравнимо больше⁹. Эти две группы сильно отличаются друг от друга. В группе государственных стипендиатов значительное большинство составляют филологи, имеющие языковую подготовку. Они приезжают на стажировку (включенное обучение) по программам бакалавриата, магистратуры и докторантуры и обладают четкой мотивацией и профессиональной направленностью. В дальнейшем они составляют костяк вузовских преподавателей и исследователей-русистов. Большой же контингент тех, кто приезжает в Россию самостоятельно, такой мотивацией не обладает и, начиная изучать русский язык «с нуля», встречает огромные трудности, которые далеко не всем удается преодолеть. Получение диплома отнюдь не доказывает профессионализм выпускников. По возвращении в Китай многие расстаются с русским языком и выбирают место работы в зависимости от возможностей трудоустройства. Тем не менее российские вузы из экономических соображений приветствуют наплыв китайских учащихся даже в ущерб качеству образования. Китайская сторона, в свою очередь, поощряет выезд на учебу за границу, снижая таким образом колоссальную конкуренцию при поступлении в китайские вузы. Как видим, количественные показатели академической мобильности в данном случае отнюдь не указывают на качество.

Другой вариант интернационализации образования предоставляет сотрудничество между учебными заведениями Китая и России, пользующееся действенной поддержкой правительства. По мнению китайского русиста Чжан Боя, «через сотрудничество двух стран в образовательной сфере наша страна может эффективно внедрять качественные образовательные бренды и методики преподавания и с помощью российского опыта повышать уровень китайского образования»¹⁰.

Уже в 1995 г. Китай подписал с Россией соглашение о взаимном признании государственных дипломов и ученых степеней. Развитие межвузовского сотрудничества привело к идее образования профильных университетских ассоциаций. В 2011 г. по инициативе Харбинского политехнического университета и МГТУ им. Н.Э. Баумана

⁸ Weihe yuelaiyueduo de zhongguo xuezi xuanze liuxue eluosi? 为何越来越多的中国学子选择留学俄罗斯? [Why are more and more Chinese students choosing to study in Russia?]. 14.09.2024. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1810060410930646466&wfr=spider&for=pc> (accessed: 03.12.2024).

⁹ Так, в 2022 г. из 37 тыс. учащихся всего 1707 чел. были направлены в Россию по государственной линии.

¹⁰ Zhang Boya 张博雅 (2017). Guojihua Beijing xia zhong e jiaoyu hezuo de tansuo yu yanjiu 国际化背景下中俄教育合作的探索与研究 [Exploration and Research on Sino-Russian Education Cooperation in the Context of Internationalization]. Kexue yu caifu [Science and Wealth]. 2017. URL: <https://www.fx361.com/page/2017/1212/2683625.shtml> (accessed: 02.05.2024).

была создана Ассоциация технических университетов России и Китая (АТУРК), вслед за ней в 2011–2019 гг. было образовано еще 12 ассоциаций разного профиля, в которые вошло более 500 учебных заведений двух стран. Через эти ассоциации и прямые межуниверситетские контакты разворачиваются интенсивные обмены студентами, преподавателями, научными сотрудниками, реализуются многочисленные совместные научно-образовательные проекты, ведется совместная подготовка учащихся, дающая возможность получения двойных дипломов и двойных ученых степеней.

В 2016 г. на территории Китая было открыто первое совместное китайско-русское учебное заведение на основе сотрудничества Цзянсуского педагогического университета и Санкт-Петербургского политехнического университета. Крупнейшим шагом в этом направлении стало создание Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, торжественно открывшегося в 2017 г. Соучредители университета — МГУ имени М.В. Ломоносова, Пекинский политехнический институт и Народное правительство города Шэньчжэня, с 1990-х гг. являющегося витриной китайской политики реформ и открытости. В настоящее время в Университете обучается более 2500 студентов, поставлена амбициозная задача в 2025 г. преодолеть цифру в 5000 чел. Особенность этого учебного заведения в том, что обучение ведется по образовательным программам и силами профессорско-преподавательского состава МГУ и ведущих китайских и мировых университетов. Имеется подготовительное отделение по русскому языку, но русский язык не является всеохватывающим, в зависимости от факультета лекции читаются на трех языках — русском, китайском и английском. Выпускники большинства программ бакалавриата МГУ-ППИ получают два диплома: диплом МГУ и диплом МГУ-ППИ.

Какими будут результаты такого сотрудничества и как в целом в дальнейшем пойдет развитие преподавания русского языка в Китае, сегодня сказать еще трудно. Но очевидно, что русский язык, переживший небывалый взлет, а затем на какое-то время оказавшийся в депрессивном состоянии, не вернется к прошлому «буму» — да в этом и нет необходимости, однако в новую эпоху он по-прежнему имеет значение для Китая. В том числе, по мнению китайских русистов, если в прошлом русский язык сыграл незаменимую роль в привлечении достижений зарубежных стран, то теперь он может оказать содействие эффективному выходу китайской культуры за рубеж [Ning Qi, 2019, p. 88].

Библиографический список

- Лапин П.А. Первая школа русского языка в Китае. М.: Восточная литература, 2009. 127 с.
Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. 319 с.
Хисамутдинов А.А. Русское высшее образование в Китае // Вопросы образования. 2015. № 4. С. 274–291.
Шэнь Чжихуа. Советские специалисты в Китае (1948–1960). М.: Восточная литература, 2015. 423 с.

References

- Lapin P.A. (2009). *Pervaya shkola russkogo yazyka v Kitaye* [The First School of Russian in China]. Moscow: Vostochnaya literatura. 127 p. (In Russian).
- Melikhov G.V. (1991). *Man'chzhuriya dalekaya i blizkaya* [Manchuria Far Away and Close]. Moscow: Nauka. 319 p. (In Russian).
- Khisamutdinov A.A. (2015). *Russkoye vyssheye obrazovaniye v Kitaye* [Russian Higher Education in China]. *Voprosy obrazovaniya*. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-vysshee-obrazovanie-v-kitae> (accessed: 15.01.2025). P. 274–291. (In Russian).
- Shen Zhihua (2015). *Sovetskiye spetsialisty v Kitaye (1948–1960)* [Soviet Specialists in China (1948–1960)]. Moscow: Vostochnaya literatura. 423 p. (In Russian).
- * * *
- Han Li 韩莉 (2010). *Qingdai Zhongguo eyu jiaoyu shuping* 清代中国俄语教育述评 [A Review of Russian Language Education in Qing Dynasty China]. *Siberian Studies*. Feb. 2010. Vol. 37. No.1. (In Chinese).
- Hao Shichang, Li Yachen 郝世昌, 李亚晨 (2001). *Liu su jiaoyu shigao* 留苏教育史稿 [Draft History of Education in Soviet Union]. Heilongjiang Education Press. (In Chinese).
- Hao Shuxia 郝淑霞 (2011). *20 shiji 50 niandai liu su rechao yu zhongguo eyu jiaoyu* 二十世纪五十年代留苏热潮与中国俄语教育 [The Study in USSR Movement in the 1950s and Russian Language Education in China]. *Teaching Russian in China*, May 2011. Vol. 30. No. 2. (In Chinese).
- Hao Shuxia 郝淑霞 (2005). *Zhongguo eyu jiaoyu shi* 中国俄语教育史 (1708–1949) [History of Russian Language Education in China (1708–1949)]. Nankai University, School of History [PhD dissertation]. (In Chinese).
- Hu Wenzhong 胡文仲 (2009). *Xin Zhongguo 60 nian waiyu jiaoyu de chengjiu yu queshi* 新中国六十年外语教育的成就与缺失 [The Achievements and Deficiencies of Foreign Language Education in the 60 Years of New China]. *Foreign Language Teaching and Research*. No. 3. (In Chinese).
- Li Binbin 李斌斌 (2018). [Liuxuesheng] 20 shiji wu liushi niandai de liusu xueren ji qi shiye zhong de “Sulian xingxiang” [留學生]20 世纪五六十年代的留苏学人及其视野中的“苏联形象” [Sino-Soviet Students of the 1950s–60s and the Image of the USSR in Their View]. URL: <http://www.chinaql.org/BIG5/n1/2018/0625/c420285-30083686.html> (accessed: 17.02.2025). (In Chinese).
- Liu Limin 刘利民 (2009). *Xin Zhongguo Eyu Jiaoyu 60 Nian* 新中国俄语教育六十年 [60 Years of Russian Language Education in New China]. *Teaching Russian in China*, Nov. 2009, Vol. 28. No. 4. (In Chinese).
- Ning Qi 宁琦 (2019). *Zhongguo Jiaoyu 70 nian huigu yu zhanwang* 中国俄语教育 70 年回顾与展望 [Review and Prospect of 70 Years of Russian Language Education in China]. *Journal of Shanghai Jiao Tong University, Philosophy and Social Sciences*, Oct. 2019. Vol. 27. No. 129. (In Chinese).
- Sun Yuhua 孙玉华, Liu Hong 刘宏 (2009). *俄语教育专业发展研究* *Eyu jiaoyu zhuan ye fazhan yanjiu* [Research on the Development of Russian Language Education as a Specialty]. In: Dai Weidong 戴炜栋, Hu Wenzhong 胡文仲 (2009). *中国外语教育发展研究 (1949-2009)* [The Study of the Foreign Language Education in China: 1949-2009]. Shanghai Foreign Language Education Press. 995 p.
- Wang Jinrong 王金容 (2010). *Zhongguo eyu jiaoyu de lishi yu xianzhuang fenxi* 中国俄语教育的历史与现状探析 [Analysis of the History and Current Situation of Russian Language Education in China]. *Journal of Sichuan University of Science & Engineering*, June 2010. Vol. 25. No. 3. (In Chinese).
- Wang Jinrong 王金容, Xia Hongzhong 夏宏钟 (2011). *Zhongguo eyu jiaoyu jianguo chude jieduanxing tezhen fenxi yu fansi* 中国俄语教育建国初的阶段特征分析与反思 [Analysis and Reflection on the Stage Characteristics of Russian Language Education in China at the Beginning of the Founding of the People's Republic of China]. *Teaching Russian in China*, May 2011. Vol. 30. No. 2. (In Chinese).
- Wang Mingyu, Wang Meng Xia 孟霞 (2005). *Zhongguo eyu jiaoxue de lishi, xianzhuang yu fazhan fanglüe* 中国俄语教学的历史、现状与发展 [The History, Current Situation and Development Strategies of Russian Language Teaching in China]. *Russian Language and Literature*. URL: <https://www.sinoss.net/uploadfile/2010/1130/4704.pdf> (accessed: 20.01.2025). (In Chinese).

Zhang Zeyu 張澤宇 (2004). Wan qing liu e jiaoyu shulun 晚清留俄教育述论 [On the Education of Studying in Russia during the Late Qing Dynasty]. Hebei Academic Journal, Jan. Vol. 24. No. 1. (In Chinese).

Yu Lizi 羽离子 (1991). Eluosi shouci dui qing zhengfu zengshu shimo 俄罗斯首次对清政府赠书始末 [The Beginning and End of Russia's First Gift of Books to the Qing Government]. Modern Chinese History Studies. No. 4. (In Chinese).

Ming qing shiliao 明清史料 (1960). [Ming and Qing Historical Materials]. Taipei: Institute of History and Philology, Academia Sinica, p. 1609. (In Chinese).

Li Nanqiu 黎难秋 (2002). Zhongguo kouyi shi 中国口译史 [China Language Interpretation History]. Qingdao: Qingdao Publishing House. (In Chinese).

Liu Ziyang 刘子扬 (1988). Qingdai difang guanzhikao 清代地方官制考 [Local Official Examination System in the Qing Dynasty]. Beijing: Zijincheng Publishing House. (In Chinese).

Li Xiping 李喜平 (ed.) (1998). Liaoning Jiaoyu Shi 辽宁教育史 [History of Education in Liaoning], 496 p. (In Chinese).

Chen Xuexun 陈学恂 (1991). Zhongguo jindai jiaoyu shi ziliao huibian (Liuxue jiaoyu) 中国近代教育史资料汇编. 留学教育 [Compilation of Historical Materials on Modern Chinese Education (Education Abroad)]. Shanghai Education Publishing House. (In Chinese).

Wei Daozhi 卫道治, Zhang Jie 张杰, Wang Jishang 王奇生 (1998). Zhongwai jiaoyu jiaoliu shi 中外教育交流史 [History of Education Exchange between China and Foreign Countries]. Hunan Education Publishing House. (In Chinese).

Ma Guijun 马贵钧 (2006). Beijing waijiaobu ewen zhuanxiuguan lueji 北京外交部俄文专修馆略记 [A Brief Account of the Russian Language Special School of the Ministry of Foreign Affairs in Beijing]. Renmin Zhengxie Bao, July 24. (In Chinese).

Yang Shangkun 杨尚昆 (2001). Huiyilu 回忆录 [Memoirs]. Central Literature Publishing House. (In Chinese).

Shi Zhe 师哲 (1991). Zai lishi juren shenbian: Shi Zhe huiyilu 在历史巨人身边: 师哲回忆录 [Beside the Giants of History. Memoirs of Shi Zhe]. Central Literature Publishing House. (In Chinese).

Li Sha 李莎 (2009). Wo de Zhongguo yuanfen 我的中国缘分 [My Chinese Fate]. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. (In Chinese).

Mao Zedong 毛泽东 (1949). Lun renmin minzhu zhuanzheng 论人民民主专政 [On the People's Democratic Dictatorship]. People's Daily, July 1. (In Chinese).

Cui Shengjie 崔胜杰, Chen Ningning 陈宁宁 (2011). Zhongguo eyu jiaoyu de fazhan licheng 中国俄语教育的发展历程 [The Development History of Russian Language Education in China]. The Examination Weekly Magazine. No. 90. (In Chinese).

Pan Yue 潘岳 (2022). Xin shidai zhong e jiaoyu hezuo you naxie xinde tedian 新时代中俄教育合作有哪些新的特点 [What Are the New Characteristics of Sino-Russian Education Cooperation in the New Era]. China Teachers' News, Nov. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 02.03.2025. Received: 02 March 2025.

Принята к публикации: 28.05.2025. Accepted: 28 May 2025.